

Тянулось это уже третьи сутки. Молодая баба-роженница лежала на спине, руки бессильно протянулись вдоль туловища, на лице выступили мелкие капельки пота. Измученно-исступленным голосом она повторяла в полузабытьи:

- Матушка царица небесная, помилуй! Матушка царица небесная, помилуй! Стонала длинными, прерывистыми стонами и скрипела зубами.

Юная фельдшерица-акушерка Зина Кваскова почему-то радостно вздохнула, лицо вспыхнуло нежным румянцем. Из чистой избы она через сенцы вошла в черную и сказала высокому старику:

- Нужно поехать за доктором, и поскорее.

Найдется у вас кому съездить? Положение очень опасное.

Старик засуетился:

- Ах-х, ты, господи! Уж вы, пожалуйста, гражданка, все, что можно...

Егорка, запрягай чалого да скачи во весь дух!.. Боже ты мой милостивый!..

Сенца положи в телегу да покрой княжеским ковром для гражданина доктора.

Зина села к столу и карандашом написала на листке блокнота:

Д-ру Кайзеру

Арнольд Федорович!

У роженицы пульс 120 температура 38,2 воды давно отошли по-моему нужно щипцы приезжайте немедленно.

З. К.

Муж роженицы, Егор, положил записку в шапку и поспешно вышел. Телега затарахтела мимо окон.

Зина вышла на крыльцо и присела на перила. Солнце садилось, телега исчезала в золотой пыли. Из сада бывшей княжеской усадьбы тянуло запахом цветущей сирени, робко начинали щелкать соловьи. Солнце играло на русых стриженных волосах Зины и на вьющихся вдоль щек золотых прядях. Глазницы были поставлены у Зины очень широко и делали лицо немножко странным. Но все скрашивали молодые глаза и нежный румянец щек. Зина волновалась за роженицу, боялась, как бы доктор не приехал слишком поздно. И радость, светлая радость была в душе, что он придет. Зина тайно любила его. Сердце начинало биться скорее, когда она представляла себе: вот через час он войдет сюда - высокий, прямой, всегда в себе уверенный, никогда не теряющийся, с сильными руками спортсмена. И все вокруг станет твердым, спокойным и уверенным.

Вышел на крыльцо старик. У него были утрюмые и недобрые губы, но сейчас он кривил их в любезную улыбку. И застенчиво сказал Зине:

- Вы уж, гражданочка, потрудитесь! Очень бы мне антиресно внучка иметь. Ежели все будет как следует - гуся вам предоставлю обязательно!

- Ну, оставьте, что вы!.. Вот только бы доктор вовремя приехал. Он замечательный доктор! Сама разродиться она не сможет, ребенок в ней может задохнуться. А он наложит щипцы - и ребенок жив останется, и Акулина.

Зина прикусила губу: уж слишком уверенно она говорила о благополучном исходе. Старик смотрел остановившимися глазами.

- Щ-и-п-ц-ы? То есть это как же так? Щипцами из нее дите потянете?

Зина вспомнила - доктор ей всегда твердил, чтобы называть акушерские щипцы ложками. Она поспешно сказала:

- Это, собственно, не щипцы, а ложки. Их накладывают на голову ребенка и сторожно тянут. Когда у самой матери нет силы родить.

Старик решительно сказал:

- Нет, на это нашего согласу нет!

- Нельзя, товарищ, необходимо это сделать, иначе помрет Акулина. Сама она родить не может.

- Что вы, гражданка, толкуете? Как это можно в живую женщину щипцы совать! Да вы ей там щипцами все кишки прищемите!

Вышла на спор старуха.

- Слышь, Марфа, зачем за доктором гражданка спосылала:

щипцы, говорит, нужно запустить в Акулину, ребенка щипцами вытащить.

- Мать честная, царица небесная! Что это ты?